

ОСНОВАНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО: АЛЕКСАНДР И ЭДИП

А. А. Цуркан

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2011 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению экзистенциально-психологических оснований героического, в частности, – проблеме неукорененности потенциального героя в бытии как необходимом условии формирования героического. Последнее рассматривается на примере «Эдипова комплекса» в биографии Александра Великого.

Ключевые слова: Александр, Эдип, анимус, анима, героическое, бытие.

Abstract: the article covers the psychological and sexual grounds of the heroic in terms of «Empire making» phenomenon. Hence one may conclude that the fundamental lack of involvement in being on a hero's part which is purely subconscious and caused by specific sexual preferences may be fairly considered as a key factor for the moulding of a hero's personality.

Key words: Alexander, Oedipus, animus, anima, heroic, being.

Исследование типологических характеристик имперского героя предполагает необходимость определения исходного понятия. Героическое давно стало метафорико-пропагандистским клише («героический подвиг советского народа», «пионер-герой Павлик Морозов» и т.д.). Это несколько затрудняет дело. Отдавая дань этим экстраординарным явлениям, все же считаем необходимым заметить, что они находятся всецело в рамках «человеческого, слишком человеческого» измерения и ценностей, с ним сопряженных (главным образом, христианских). Мы же намерены истолковывать героическое исключительно как сверхчеловеческое – феномен мифологический *par excellence* – но имеющий вполне отчетливую социокультурную проекцию.

Понятие «героическое» в данном случае не содержит (да и не может содержать) никакой этической коннотации. Иными словами, «герой» здесь – это совсем не обязательно «хороший человек». Скорее, наоборот, с точки зрения обыденного сознания он чудовище. Пожалуй, такого героя трудно даже назвать человеком. И вот почему. С одной стороны, он сознательно изымает себя из контекста общепринятого, обыденного, «человеческого» и сопряженных с ним ограничений. С другой – отнюдь не склонен и сам считать себя человеком, но скорее – существом высшего порядка – «богом».

Поэтому правильнее всего определить такого героя именно как существо, в котором «человеческое» систематически преодолевается и искореняется; существо, которое порывает с обыденным в его тотальности и последовательно разрушает его. Истолкованный таким образом героизм

наиболее аутентичен и свободен от поэтических аберраций. Это – онтология (или, точнее, нигитология) героического, позволяющая вскрыть его потаенные импульсы и механизмы. Делать это лучше всего на античном материале. Здесь, в силу отсутствия репрессивных духовно-религиозных установок, свойственных позднейшим этапам развития европейского социокультурного процесса, героическое предельно дистиллировано, экзистенциально нагружено и мифологично. В нем выражен персоналистический аспект. Оно монументально и завершено. Наконец, о героическом здесь можно судить, не рискуя оказаться неполиткорректным.

Хотя героическое в античности проявляет себя главным образом в двух ипостасях – мифологической (Геракл, Ахилл) и исторической (Александр, Цезарь), они обнаруживают глубинную тождественность исходных установок, которыми руководствуется герой. Эти установки заключаются в предельном уподоблении божеству в аспектах Могущества, Силы, Величия, через преодоление любых ограничений и регламентаций, носящих для обыденного сознания сакральный характер. Герой в античности – это человек невозможного. Ведь создавая невозможное, он обретает то уникальное и новое качество, которое делает его богоподобным либо в памяти потомков, либо через формальное обретение нового статуса божества. Речь идет о свободе как стремлении к выходу за пределы любой детерминации.

Подвергая десакрализации (а стало быть, и девальвации) прежнюю систему ценностей, герой создает новую сакральность – собственный культ, по отношению к которому выступает первым пророком и жрецом. При этом подвиг оказывается таким актом, в котором свобода героя познается с предельной очевидностью, обозначая при этом момент наивысшего сближения божественного и человеческого. Справедливости ради надо отметить, что это сближение в античности носит по большей части трагический характер. Герой ведет себя как бог, при этом – не будучи богом. В таком поведении есть много страданий и много величия. С каждым новым героическим усилием растет понимание того, что стать свободным от богов (Судьбы, Времени, Смерти) можно, лишь изменив свою природу. Впрочем, и страдания героя отличаются поистине титаническим накалом и масштабами, утверждая его величие и в боли. Вечная слава и острова блаженных (а то и апофеоз) – неплохая компенсация последней. Античный герой буквально подминает реальность под себя. Коэффициент разрушения в героическом действии, деструкция в отношении «объективной реальности», ее ограничений, норм и установок, пожалуй, даже выше, чем коэффициент созидания (Ясон, Одиссей). Образ, которому стремится уподобиться герой, наиболее ярко проявляет себя через аннигиляцию – стихию разрушения.

На этом обычно и заканчивается эстетико-философский дискурс о героическом в античности. Дальше идут одни иллюстрации. За скобками остается главная проблема: выявление парадигматических оснований героического невозможно без ответа на вопрос о том, насколько герой свободен не быть героем, какова психологическая предрасположенность

«простого смертного» к тому, чтобы стать героем, каким должен быть его психотип? Иными словами, каковы необходимые (но, возможно, недоста-точные) условия превращения обыденного в героическое?

Не секрет, что скепсис и цинизм, которыми подчас грешит так назы-ваемый «конкретно-исторический подход», противны природе божест-венного, в котором должна быть с необходимостью доля непроявленного, недосказанного. Поэтому анатомию героического лучше всего рассмат-ривать на примере тех, чьи биографии частью мифологичны, частью историчны. Мифологический аспект здесь отсылает нас к бессознатель-ным установкам и импульсам. Исторический – сообщает ту меру досто-верности, без которой выводы не могут быть признаны релевантными. Биография Александра Великого, с нашей точки зрения, подходит для этого наилучшим образом.

Божественная интервенция в обстоятельства происхождения героя имеет чрезвычайно важное значение. Присутствие божества означает фактическую неукорененность будущего героя в сфере имманентного, земного, коррелятом чего является материнское начало. Герой связан с последним тесным образом, но, впрочем, не настолько, чтобы не быть в состоянии порвать эту связь, которая постепенно становится символичес-кой¹. Божественное, как чужеродный элемент, лишает природу героя го-могенности, свойственной простым людям, вносит в нее разлом и раскол, сквозь которые просматривается реальность иного, не-бытийного, пребы-вающего по ту сторону пространственно-временных координат обыден-ного. В этой ситуации ценностно-смысловой статус последнего снижен до предела, без чего было бы невозможно для героя совершить главный акт, определяющий его статус, – акт деструкции в отношении обычного (имманентного, материнского). В плоскости архаического мифа это дейст-вие разворачивается как победа героя над чудовищными хтоническими порождениями (Персей и чудовище, покушавшееся на Андромеду, Ге-ракл и Лернейская гидра и т.д.) или стремление к разрушению центри-

¹ «Так как «комплекс матери» – понятие из области психопатологии, то он всег-да связан с понятием ущербности и страдания. Но если мы все же извлечем его из слишком узких рамок патологии и придадим ему более широкое и всеохваты-вающее значение, то сможем упомянуть и его положительное действие: у сына, к примеру, происходит – наряду с гомосексуальностью или вместо нее – диффе-ренциация эроса (в этом направлении созвучно что-то в «Simposion» Платона); также развитие вкуса, эстетического чувства, в которых никоим образом нельзя сбрасывать со счетов определенный феминный элемент; в последующем – ка-чества воспитателя, которым зачастую женская способность вчувствования при-дает наивысочайшее совершенство; исторический дух, который, будучи консер-вативным в лучшем смысле этого слова, свято бережет все ценности прошлого; чувство дружбы, которое соединяет воедино мужские души, образует между ними изумительно нежную связь, даже дружбу между полами, освобождает от отчуж-дения чего-то невозможного; богатство религиозного чувства, которое «ecclesia spiritualis» делает истиной и, наконец, духовная рецептивность – желанный сосуд для откровения» (Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери // Структура психики и архетипы. М., 2007. С. 55).

рующей имманентной гештальт-модели реальности как целостной завершенной структуры, заключающей в себе архетип матери (Ахилл под стенами Трои). Пример последнего как в отношении комплекса матери, так и гендерной самоидентификации (Ахилл и Патрокл, Ахилл и Бризеида) с пугающей точностью соответствует психотипу Александра как в гомосексуальном (Александр – Гефестион, Александр – Багоас)², так и в гетеросексуальном аспектах (Александр – Роксана).

Если исходить из того, что воля к разрушению есть необходимый компонент психотипа имперского героя, который коренится в экзистенциальном неприятии наличествующего бытия как временного, преходящего и вместе с тем ограничивающего героическое сверхусилие, то становится понятно, почему миф о божественном происхождении потенциального героя играет в становлении последнего такое важное значение. Однако природа героического имеет не только мифологический, но естественно-биологический аспект. Как мы увидим позже, они теснейшим образом переплетены. Пожалуй, ключевым фактором здесь является отношение будущего героя с матерью и отцом, в особенности на начальном этапе становления ребенка. Применительно к Александру мы можем констатировать почти патологическое неприятие им своего отца Филиппа, скрытую, а то и явную враждебность между ними, временами переходящую в откровенную конфронтацию. На фоне этой отчужденности, многократно усиленной мифом о божественном отцовстве (который, заметим, Александр принимал вполне серьезно)³, мы наблюдаем потрясающе близкие его отношения с матерью – Олимпиадой. Налицо, таким образом, классический «комплекс Эдипа»⁴.

² «Alexander was fond of comparing them to Achilles and Patroclus in the Iliad, and since it was generally assumed in his own day that this celebrated Homeric relationship was homosexual, Alexander's encouragement of the analogy might very well indicate a similar bond between himself and Hephaestion» (Philip II and Alexander the Great. Edited by Elizabeth Carney and Daniel Ogden. Oxford University Press, 2010. С. 56).

«Александру нравилось, когда их сравнивают с Ахиллом и Патроклом в «Илиаде», и поскольку общей точкой зрения на этот счет в его дни было то, что эта описанная Гомером знаменитая связь носила гомосексуальный характер, поощрение аналогии со стороны Александра вполне возможно указывает на тождественный характер связи между ним и Гефестионом».

³ «Вообще Александр держал себя по отношению к варварам очень гордо – так, словно был совершенно убежден, что он происходит от богов и сын бога; с греками же он вел себя сдержаннее и менее настойчиво требовал, чтобы его признавали богом. Правда, в письме к афинянам по поводу Самоса он пишет: «Я бы не отдал бы вам этот свободный, прославленный город, но уж владейте им, раз вы получили его от того, кто был тогда вашим властелином и назывался моим отцом». При этом он имел в виду Филиппа» (*Плутарх. Жизнеописание Александра*, XXVIII // Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. М., 1987. Т. 2).

⁴ «Для женщины мать есть тип ее сознательной, сообразной с полом жизни. Для мужчины, однако, мать есть тип некоего переживаемого, чуждого визави, наполненного образным миром латентного бессознательного. Уже по этой причине материнский комплекс мужчины принципиально отличается от такого же

Соперничество между отцом и сыном за любовь и признание матери, собственнический инстинкт Александра в отношении Олимпиады (впрочем, носивший обоюдный характер) имел и политическую проекцию, поэтому и хорошо описаны⁵. В этом случае все зашло так далеко, что Александр фактически потворствовал убийству Филиппа⁶. Устранив отца, «Эдип» открыл себе дорогу к инцесту с матерью. В случае с Александром высокая степень отторжения отца была, по-видимому, обусловлена еще и тем, что Филипп был убийцей собственной матери – Эвридики, о чем хорошо знали в Пелле если не все, то очень многие. На фоне этого отчуждения близость Александра к матери не могла не приобрести гипертрофированный характер. Как следствие (и это, пожалуй, имеет особое значение) – сначала латентная, а потом и явная гомосексуальность героя. Иначе и быть не могло. Ведь гомосексуальность – это тот вид сексуальной активности, который в полной мере «умервшает» бытие, поскольку отрицает репродуктивность как квинтэссенцию естественно-природного бытия в модусе порождения (становления).

Как видим, эта биологическая установка вполне коррелирует с мифологической, в которой конфликт между земным и божественным в вопросе о происхождении героя однозначно решается в пользу последнего. Стоит заметить, что гомосексуальность имперского героя как установка в высшей степени противоестественная и есть своего рода некрофилический импульс, «любовь к ничто». Она чрезвычайно важна не только для адекватной оценки воли к разрушению наличествующей реальности, без чего имперский герой просто не состоялся бы, но и – что не менее важно – для лучшего понимания скрытой суицидальной установки у героя, которую мы находим как у мифологических (Ахилл), так и исторических (Цезарь)

комплекса у женщины. Соответственно этому мать для мужчины – с самого, так сказать, начала – нечто, имеющее явно выраженный символический характер, и поэтому затрагивает, конечно же, те тенденции, которые идеализируют мать. Идеализация есть скрытый амулет» (*Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери. С. 74*).

⁵ «Чем старше становился Александр, тем сильнее чувствовал Филипп отсутствие у сына обычной сыновней любви. Что-то непостижимое, непонятное было в этом мальчике; он был скрытен, особенно с отцом. В значительной степени это объяснялось все более холодными отношениями между родителями. И в детстве, и в юности Александр видел Филиппа глазами любимой матери, поэтому он перенял от Олимпиады ее ревность и то ожесточение, с которым мать относилась к своему неверному супругу. Это привело на Александра столь отталкивающее впечатление, что в юности он не признавал женской любви» (*Шахермайер Ф. Александр Македонский. М., 2004. С. 67*).

⁶ «Когда Павсаний (телохранитель Филиппа), потерпевший жестокую обиду из-за Аттала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняли Олимпиаду, утверждая, будто она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека. Обвинение коснулось и Александра: шли толки, что, когда после нанесенного ему оскорбления, Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медей»: «Всею отомстить – отцу, невесте, жениху» (*Плутарх. Жизнеописание Александра, X*).

персонажей. Суицидальный подтекст присутствует и в биографии Александра.

Если не принимать во внимание генетическую обусловленность, то становится очевидной природа гомосексуальности Александра: она оформляется как результат сочетания страха перед совокуплением с матерью (инцест) и одновременно бессознательного стремления к последнему. Перенос материнских черт на ее пол в целом табуирует развитие гетеросексуальности либо в случае ранней смерти матери, напротив, ведет к развитию «комплекса Дон Жуана» (К. Г. Юнг). В случае развития гомо-установки ее носитель мотивирован к поиску объекта – заместителя матери в себе, в другом, либо, что для имперского героя особенно важно, в искусственном аналоге матери. Имперский герой подчас открыто рвет отношения с матерью (Александр покинул Олимпиаду в возрасте двадцати лет и больше ее никогда не видел). Это, на первый взгляд, странное обстоятельство может иметь как бессознательный мотив, связанный с боязнью инцеста, так и его модификацию, подчас приобретающую почти осознанные очертания. Дело в том, что архетип матери воплощает в себе аспект порождения, отсылающий нас к биологической, природной обусловленности человеческого бытия и, как следствие, к пространственно-временным ограничениям последнего.

Для героического сознания мать всегда чрезмерно обременена заключенным в ней напоминанием о смертности героя, его бытийной укорененности в обыденном, которое он, собственно, и пытается преодолеть. Поэтому даже при наличии гипертрофированной любви к матери герой идет на фактический разрыв с нею, замещая мать ее аналогом, но уже имеющим иную, мифологическую природу и, стало быть, извлеченным из потока становления. Речь идет об империи как о суррогате материнского начала. Единение с империей – это та разновидность инцеста, которая позволяет герою не только утолить свою бессильную страсть, но и стать богом. Это в подлинном смысле слова священнодействие, *hierogamos* («священный брак»), который только и достоин имперского героя. Иная разновидность брака для него была бы слишком обыденной и вульгарной. Поэтому имперский герой бессознательно или сознательно уклоняется от брака с земными женщинами, а если и прибегает к нему, то в силу политической необходимости⁷. Во много это объясняется описанным выше гомосексуальным подтекстом героического сознания: ни в одной из смертных женщин герой не видит полной замены матери и ее объекта-заместителя⁸. Дети героя (если таковые вообще появляются

⁷ «Александр говорил, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие протекают от одной и той же слабости человеческой природы» (*Плутарх. Жизнеописание Александра*, XXII).

⁸ «Both Olympias and Philip expressed concern over Alexander's indifference to women. They therefore arranged a sexual encounter between Alexander and a seductive Thessalian courtesan named Callixeina, Theophrastus says that «Olympias often begged him to have intercourse with Callixeina», apparently to no avail».

на свет) – это просто «онтологический нонсенс», напоминание о смертной природе героя. Ненужная и обременительная их судьба по большей части печальна. Как правило, они вечно живут в тени своих отцов, ничего не достигая самостоятельно. Их отношение с отцами весьма напряжены и, как следствие, нередко случаи детоубийства со стороны самих героев⁹.

Своеобразным триггером в механизме становления имперского героя является его соперничество с отцом. В случае с Александром это можно считать следствием как гипертрофированного анима-комплекса, так и ответственности Филиппа за убийство собственной матери Эвридики. Данное обстоятельство, вероятно, стало дополнительным фактором отчуждения между отцом и сыном. Соперничество с отцом за любовь и признание со стороны матери, стимулируя в сыне стремление к некоему сверхусилию, одновременно сеет семена вражды, подчас доходящие до склонностей к патерциду. Примеров подобного рода в биографии Александра предостаточно. Но и у его мифологического alter ego Ахилла мы наблюдаем наличие сложных отношений с отцом Пелеем и весьма близкие с матерью – богиней Тетис (Фетидой).

Вообще статус и образ отца в биографии имперского героя по большей части принижен. Подчас дело заходит так далеко, что герой даже вовсе отрицает за отцом факт его отцовства. Это было нередким в мифологии (Персей, Геракл, Одиссей). В биографии Александра это обстоятельство играет решающую роль в утверждении его божественности. И это не случайно. Если архетип матери включает в себе фактор порождения (а значит и смертности), пространственно-временной детерминации, «корней земного», потенциальной множественности пифагорейской диады и т.д., потому должен быть отвергнут в пользу искусственного объекта-заемителя (империя), то архетип отца – это не только напоминание о биологическом ограничении земного, но, прежде всего, выразитель той стационарной модели гештальт-бытия, которая воспринимается героем как внешняя по отношению к последнему система подавления. Она непременно должна быть разрушена, чтобы, обретя свободу, герой смог сконструировать из обломков прошлого новую реальность. Кронос оскотил Урана, лишая его репродуктивной возможности и символа мужского властного начала. Зевс свергает Кроноса и строит свой собственный *cosmos aesthetos*. Александр, по всей вероятности, подталкивает убийцу отца Павсания в нужном направлении и начинает великий восточный поход 334–324 гг. до н.э.

И Олимпиада, и Филипп выражали озабоченность по поводу безразличия Александра по отношению к женщинам. Таким образом, они даже устраивали сексуальную связь между Александром и соблазнительной фессалийской гетерой по имени Калликсена. Теофраст говорил, что «Олимпиада часто умоляла его переспать с Калликсеной», но, по-видимому, напрасно» (Philip II and Alexander the Great, Edited by Elizabeth Carney and Daniel Ogden. Oxford University Press, 2010. С. 56).

⁹ Показательно, что два основных имперских героя России, о которых снимают фильмы и которым сооружают памятники, а именно Иван IV и Петр I, были детоубийцами и имели гомосексуальные наклонности.

Итак, апофеоз героического – создание империи. Эта новая реальность есть момент объективации героического усилия, вещественное доказательство величия божественности ее творца, область сакрального, противостоящая пространственно-временной ограниченности, текучести обыденного (профанного). Но не только. С нашей точки зрения, однако, все это – лишь проекция во вне исходной психофизиологической установки героя. Речь идет о фундаментальной неукорененности в бытии, его неприятии и отрицании. Отрицании всего того, что ассоциируется с областью естественно-репродуктивного, конечного, временного.

Поразительно, что источником этого выступает гипертрофированный *anima* комплекс, избыточная «Эдипова» любовь к матери и ненависть к отцу¹⁰. Создавая империю как область искусственного, аналог материнского начала, герой наконец-то в полной мере утоляет давнюю страсть – он овладевает этим последним. В этом акте одновременно присутствуют и некрофилический аспект (любовь к искусственному как любовь к мертвому, «любовь к ничто»), и сексуальный аспект (овладение в превращенной форме объектом – заместителем матери), и мифологический аспект – империя как сакральная реальность «по ту сторону становления». В этом – апофеоз имперского героя и одновременно его трагедия¹¹.

¹⁰ Вот пример из римской истории: «В должности квестора он (Цезарь. – *авт.*) получил назначение в Дальнюю Испанию. Там он, по поручению претора, объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности. – Ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил мир. – И тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел. На следующую ночь его смутил сон – ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого» (*Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей* : пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1991. С. 15. – Божественный Юлий, VII).

¹¹ Весьма оригинальную проекцию этой установки мы можем встретить и в философии, в частности в платонизме. Хрестоматийное изложение последнего сводит учение «Моисея, говорившего по-аттически», к пресловутой метафоре удвоения «мира вещей» за счет умозрительно онтологической надстройки – истинно сущего бытия «мира идей», над которыми возвышается идея блага. Такой христианизированный платонизм выглядит как сумма парменидовской онтологии с уступкой демокритовской интуиции множественности в истолковании бытия. В результате происходит неизбежное: христианизированный платонизм оборачивается гипертрофированным онтологизмом.

На наш взгляд, роковая ошибка в истолковании этого учения заключается в том, чтобы видеть в идее бытия его главенствующую категорию. На самом деле таковой является то, что дает для самих идей возможность быть неизменным и вечным прообразом вещей чувственно воспринимаемого мира, что в конечном итоге является условием их бытийствования, значит и бытия их чувственных проекций. Речь идет о категории Единого.

Империя как реальность искусственного в качестве антитезы обывательному и преходящему требует жертвоприношения от своего творца. Пока он жив, в нем сохраняется слишком много человеческого. В монументальном храме собственного величия он живой и смертный, в чьих жилах, вспомнив грустные слова Александра, всего лишь кровь, а не ихор олимпийцев, — как последний отголосок земного и конечного, нелепый и, в конечном итоге, неуместный. У алтаря этого храма герой одновременно и иерофант, и жертва. Чтобы стать мифом, он должен умереть. Ведь стать богом невозможно, не перестав быть человеком.

Анализу этой категории посвящен один из труднейших диалогов Платона, а именно «Парменид». Результат рассмотрения Единого приводит философа к однозначному выводу: чтобы быть Единым, в качестве условия всяческого бытия само Единое должно быть мыслимо вне категории бытийственности, должно быть лишено атрибутов последней и отождествлено фактически с небытием.

В самом деле, исходя из главного определения Единого, его единости, Платон приходит к выводу о том, что последнее не может быть ни отличным от себя, ни тождественным иному. В силу этого Единое не может быть ни равным, ни неравным себе. Оно, сохраняя свою главную особенность, а именно единственность и отсутствие внутреннего членения, не может быть причастно ни ко времени, ни к пространству, ни к движению, ни к каким иным бытийным аспектам и характеристикам, сопряженным с множественностью.

Таким образом, Единое пребывает вне всяческого становления. Оно не может присутствовать ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Это, в свою очередь, означает, что Единое никоим образом не существует, ибо быть можно, лишь пребывая в одном из этих модусов бытия. Таким образом, логика рассмотрения этой главенствующей для платонизма категории приводит философа к однозначному выводу о сверхбытийности, т.е. фактически о небытийности Единого как условия бытия множественности вещей чувственно воспринимаемого мира.

Эта скрытая, но, впрочем, весьма основательная, как видим, «любовь к небытию» имеет один весьма важный сексуально-психологический источник. На него, в частности, указывает крупнейший отечественный знаток Платона А. Ф. Лосев: «Платонизм есть созерцание чистых эйдосов. Чистый же эйдос, в сравнении с материей и инобытием, есть, как гласит вся история пифагорейства и платонизма от начала до конца, начало мужское. Платонизм лишен возможности благодаря этому утверждать какое-нибудь большое значение за началом женским. У Платона нет опыта брака, нет мистики деторождения. Ждать физических детей для платоника — унизительно. «Платоническое созерцание идей» настолько пронизано специфическим эросом, что часто вместо созерцания испытывается какое-то тонкое ощущение тошноты. Это — в буквальном смысле постельное ощущение созерцания идей при помощи собственного фаллоса» (Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993. С. 855–856).

Вряд ли нужно давать дополнительный комментарий к тому, о каком именно специфическом эросе идет речь. Как видим, фундаментальная неукорененность в бытии у Платона, как и в случае с Александром, побуждает философа к конструированию своей онтологии, имеющей вне- и сверхбытийные основания. Философия как объект — заместитель женского начала — стала для Платона такой же проекцией его изначального экзистенциального импульса, как и империя для Александра. Возникает закономерный вопрос: не является ли весь платонизм лишь сублимацией его специфических сексуальных предпочтений?

Александр Великий, Megas Alexandros, – Тринадцатый бог Олимпа умер 13 июня 323 г. до н.э. за три недели до того, как ему исполнилось бы 33 года.

Литература

1. *Юнг К. Г.* Психологические аспекты архетипа матери / К. Г. Юнг // Структура психики и архетипы : пер. с нем. Т. А. Ребеко. – М. : Академический проект, 2007. – 303 с.
2. *Плутарх.* Избранные жизнеописания : пер. с древнегреч. : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – 608 с.
3. *Шахермайер Ф.* Александр Македонский / Ф. Шахермайер. – М. : Эксмо ; Яуза, 2004. – 544 с.
4. *Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей / Г. Т. Светоний : пер. с лат. М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1991. – 512 с.
5. Philip II and Alexander the Great. Edited by Elizabeth Carney and Daniel Ogden. – Oxford University Press, 2010.

Воронежский государственный университет

Цуркан А. А., кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии

Тел.: 8-904-213-67-46

Voronezh State University

Tsurkan A. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the History Philosophy Department

Тел.: 8-904-213-67-46